

Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Олеся Плех

Number of provincial civil servants during first half of the 19th century
(documents of Vologda province)

Olesya Plekh

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008269-6

При изучении бюрократии Российской империи перед исследователями неизбежно возникает проблема определения её общей численности. Этот вопрос неоднократно ставился и советскими, и современными учёными, однако мы и по сей день располагаем лишь приблизительными данными за отдельные исторические периоды. Наименее изученной остаётся численность служащих провинциальных учреждений. Имеются сведения за XVIII и вторую половину XIX в.¹, что же касается первой половины XIX в., то в научной литературе не представлено даже предположительных данных (можно найти либо сведения о чиновниках разных ведомств и рангов², либо несопоставимые между собой отрывочные данные по отдельным губерниям и регионам³). Решение этой проблемы осложнено двумя обстоятельствами.

© 2020 г. О.А. Плех

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных (проект № МК-1194.2018.6).

¹ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 225, 239—240; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67—71, 221; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 431; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 431—432, 506; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 176—177; Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 2001. С. 113, 130.

² Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981. С. 63; Torke H.J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1967. Bd. 13. S. 135.

³ Зубов В.Е. Структура и численность государственного аппарата Западной Сибири первой половины XIX в. // Вестник Челябинского университета. Сер. 7. Государственное и муниципальное управление. 1998. № 1. С. 52—58; Иванов В.А. Численность и состав провинциального чиновничества Центральной России середины XIX в. (по материалам Калужской губернии) // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Дерягин. Калуга, 2002. С. 115—129; Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII — начале XX вв. На материалах Верхнего Поволжья. Дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005. С. 168; Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. С. 122—125; Мерзлякова Л.В. Чиновничество

Во-первых, отсутствует единый подход к терминологии. Как справедливо отметил В.Е. Зубов, в дореволюционной России «чиновник» — не всегда служащий, «работник аппарата управления» — не всегда чиновник и не всегда государственный служащий, государственный служащий — не всегда чиновник и не всегда работник аппарата управления⁴. Это обуславливает трудности при работе с документальным материалом, в первую очередь с делопроизводством, где понятие «чиновник» употреблялось в отношении только лиц, имевших классные чины по Табели о рангах 1722 г., вне зависимости от того, состояли они на службе или находились в отставке, служили по гражданскому или по военному ведомству. Следовательно, во избежание разночтений при анализе источников, категорию «чиновник» нельзя понимать как синоним терминам «управленец», «бюрократ», «государственный служащий». К сожалению, при изучении местного управления Российской империи исследователи нередко используют терминологию без специальных оговорок, что порождает определённую путаницу при подсчётах численности служащих. Именно поэтому, несмотря на обилие публикаций, посвящённых кадровому составу, мы имеем мало статистических показателей, соотносимых с общеимперскими данными и сопоставимых по разным губерниям.

Во-вторых, трудности в определении численности местного аппарата управления во многом связаны с неразработанностью источниковой базы (на эту проблему особое внимание обращает В.А. Иванов⁵). В настоящем исследовании предпринята попытка представить и обосновать методику расчёта количественных показателей местного аппарата управления первой половины XIX в. На материалах отдельно взятой Вологодской губ. я попытаюсь определить численность провинциальных служащих и проследить её динамику в изучаемый период.

При определении круга изучаемых лиц учитывалось следующее.

1. Положение и значение учреждений в системе местного управления и их ведомственная подчинённость. Исследование направлено на изучение служащих только учреждений, которые на местах составляли так называемое общее управление. К ним относились органы, подконтрольные министерствам внутренних дел, финансов, юстиции и государственных имуществ⁶. «Особые

Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики). Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 60—61; *Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. С. 129, 251, 255, 258; *Токмакова Ю.Н.* Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801—1861 гг. (на материалах Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 34, 37; и др.

⁴ *Зубов В.Е.* К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4—3 (60). С. 98.

⁵ *Иванов В.А.* Документы Госархива Калужской области о численности чиновников губернии в предреформенный период (1855 — январь 1861 г.) // Отечественные архивы. 2006. № 4. С. 52—58; *Иванов В.А.* Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 175—187; *Иванов В.А., Добычина М.А.* Источники для изучения численности и состава местного чиновничества России в середине XIX в. // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 15. Калуга, 2015. С. 23—32.

⁶ Среди губернских учреждений в исследование включены губернатор и его канцелярия, губернское правление, казённая палата, уголовная палата, гражданская палата, палата государственных имуществ, совестный суд, приказ общественного призрения, врачебная управа, комиссии и комитеты, учреждённые под председательством губернатора (комиссия народного продовольствия,

установления» на местах, изъятые из ведения губернского начальства, регулирование деятельности которых осуществлялось по линии специальных ведомственных подразделений (речь идёт об учреждениях по учебному, духовному, горному, почтовому, удельному и иным ведомствам), рассматриваться не будут. Исключение составляют только служащие по медицинской и землемерной частям, ввиду того что изначально, по Учреждению о губерниях 1775 г. (которое на протяжении всей первой половины XIX в. оставалось главным законоположением для провинциальных учреждений), эта деятельность была встроена в систему местного управления.

2. В фокусе исследования оказался только корпус государственных служащих местных учреждений. В зависимости от порядка определения к должностям среди них выделяются две категории: служащие «по назначению от правительства» и служащие «по выборам». Относительно последних особо подчеркну, что речь идёт главным образом о лицах в составе правительственных учреждений, т.е. о дворянских, городских и сельских выборных представителях, занимавших должности в губернских палатах, совестном суде, уездных и земских судах. Среди выборных лиц, избираемых в сословные представительные учреждения, учитывались только те, кто по закону считался состоящим на действительной государственной службе. В первую очередь это дворяне. В первой трети XIX в. сведения о губернских предводителях дворянства, которые, по сути, являлись вторыми после начальника лицами губернии и играли значительную роль в местном управлении, и членах дворянских опеков (сословное учреждение, фактически составлявшее одно целое с уездным судом) подлежали учёту наравне с остальными местными учреждениями. После издания манифеста от 6 декабря 1831 г. «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» все служащие по выборам дворянства (в том числе и должности «собственно по делам дворянства») оказались зачислены на действительную государственную службу⁷.

Что же касается выборных лиц, избравшихся в остальные сословные учреждения — городские думы, городские магистраты, городские ратуши, волостные правления и т.д., — то они в предмет исследования не входят⁸. Исключение составляют только лица, занимавшиеся канцелярской работой в городских учреждениях, которые приобрели статус государственных служащих по решению Государственного совета от 8 июня 1837 г.⁹ Таким образом, при

губернская строительная комиссия, губернский статистический комитет и т.д.), и ряд должностных лиц (губернский прокурор, губернные стряпчие уголовных и гражданских дел, губернский землемер, губернский архитектор); среди уездных учреждений — земские суды, уездные казначейства, уездные суды, окружные управления, а также должности уездных стряпчих, винных и соляных приставов, уездных землемеров, уездных лекарей; среди городских — городские полиция и городнические правления.

⁷ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 4989.

⁸ В первой половине XIX в. государственные органы не производили сбор сведений о составе и численности сословных учреждений. Такие данные могли отложиться лишь в архивах самих сословных учреждений. Однако, к сожалению, сохранившиеся до настоящего времени документы не позволяют произвести даже приблизительные подсчёты по изучаемому региону (в частности, по волостному управлению материалы фактически не сохранились). На мой взгляд, изучение численности городских и крестьянских сословных учреждений должно стать предметом отдельного исследования.

⁹ «В магистратах и ратушах все чины, составляющие канцелярию, а в городских думах секретари, считаются в государственной службе и определяются [от правительства] из людей, имеющих по законам право на вступление в оную» (ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10315).

подготовке статистических показателей по 1844 г. учитывались и выборные представители дворянства, и работники канцелярий городских сословных учреждений.

3. При анализе количественных показателей принимались во внимание категории должностей. Согласно действовавшему в изучаемый период законодательству, во внутреннем устройстве местных учреждений («присутственных мест») выделялись «руководящее» присутствие и подчинённая ему канцелярия. Первое формировалось из лиц, назначаемых правительством, и выборных сословных представителей. В основном, конечно, оно комплектовалось чиновниками (лицами, имевшими классные чины по Табели о рангах 1722 г.). Исключение составляли лишь выборные купеческие и сельские заседатели (дворянские заседатели, как правило, имели классные чины).

Канцелярии, возглавляемые секретарями, комплектовались только из назначаемых лиц, среди которых выделялись «канцелярские чиновники» и «канцелярские служители». Последние два понятия в законодательстве первой половины XIX в. чётко различались. Следует особо подчеркнуть, что и те и другие исполняли делопроизводственную работу, но канцелярские чиновники отличались от служителей тем, что имели классные чины. Канцелярские служители до изменения правил чиновничьего производства носили канцелярские звания («неклассные чины»): «копиист» (низшее), «подканцелярист» (среднее) и «канцелярист» (высшее). Сроки перехода из одного звания в другое напрямую зависели от способностей и усердия, проявленных на службе. В 1827 и 1834 гг. все канцелярские служители в зависимости от сословного происхождения и полученного образования оказались разделены на разряды с различными сроками выслуги на получение первого классного чина¹⁰. С 1839 г. запрещалось присваивать прежние канцелярские звания¹¹, однако в документации местных учреждений они продолжали встречаться до середины 1840-х гг. (лишь с этого времени разряды полностью вытеснили прежние звания из официального употребления). Во избежание разночтений в рамках настоящей работы понятия «чиновник», «канцелярский чиновник» и «канцелярский служитель» будут употребляться в соответствии со смыслом, который они имели в изучаемую эпоху.

Следует обратить внимание на то, что при составлении таблиц я разделяю служащих в составе присутствий и в составе канцелярий. Однако такая градация весьма условна, поскольку в изучаемый период существовало довольно значительное число должностей, которые не являлись ни «присутствующими» в собственном смысле слова, ни канцелярскими. Относительно первой четверти XIX в. речь идёт о таких должностных лицах, как уездные казначеи, уездные стряпчие, губернский и уездные землемеры, губернский архитектор, уездные лекари, полицмейстеры и городничие, частные приставы, соляные и винные приставы. Сюда же можно отнести занимавшихся оперативной работой кварталных надзирателей и чиновников особых поручений (последние в 1817 г. были введены в состав отделений питейных сборов казённых палат). Во второй четверти XIX в. в связи с усложнением внутренней структуры местных учреждений число таких должностей значительно возросло: при губернаторах — чиновники особых поручений, в казённых палатах — архитекторы и чиновники особых поручений, в палатах государственных имуществ — землемеры, гражданские инженеры, учёные лесничие, стряпчие, чиновники особых поручений.

¹⁰ Там же. Т. 2. СПб., 1830. №1469; Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835. № 7224.

¹¹ Там же. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12798.

Появились должности землемеров при губернских землемерах, помощники губернского архитектора и т.п. Все эти лица формально не формировали состав присутствий, но и канцелярской работой не занимались. В настоящем исследовании, чтобы избежать дробной и запутанной группировки должностей, вышеозначенные должности учитывались наравне с присутствующими лицами (на мой взгляд, такой подход вполне оправдан, поскольку все указанные лица так или иначе принимали непосредственное участие в реализации управленческой деятельности на местах).

Источники, позволяющие в полном объёме получить данные о численности провинциальных служащих первой половины XIX в., до настоящего времени ещё не выявлены. Для определения количественных показателей учёные привлекают различные по происхождению и значению документы (справочные издания, штаты государственных учреждений, официальные списки должностных лиц, материалы делопроизводства и др.), которые могут дать только приблизительные цифры. Если мы обратимся к наиболее востребованным источникам, то увидим, какие разные показатели они могут сообщать. Так, в таблице 1 представлены данные о численности служащих Вологодской губ. за 1806, 1826 и 1844 гг., полученные из: адрес-календарей Российской империи; штатных расписаний местных учреждений, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи; коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства, хранящейся в Российском государственном историческом архиве (ф. 1349). Полученные сведения сильно расходятся между собой не только в абсолютных величинах, но и в относительных показателях роста: согласно адрес-календарям, численность местного аппарата управления за изучаемый период выросла на 30%, по штатным расписаниям — на 66, по групповым формулярным спискам — на 47%.

Таблица 1

**Данные о численности служащих Вологодской губернии,
полученные из разных источников**

Источник	1806 г.	1826 г.	1844 г.
Адрес-календарь Российской империи	139	179	199
Штатное расписание	261	401	763
Групповой формулярный список	325	419	616

Составлено по: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1826, д. 129, л. 1 об.—492; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246; ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 36. № 27668; Т. 38. № 29694; Т. 39. № 30116; Т. 40. № 30291; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 24985, 27228, 29694, 30516]; ПСЗ-II. Т. 4. СПб., 1830. № 2841; Т. 11. Отд. 1—2. СПб., 1837. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305; Т. 13. Отд. 1—2. СПб., 1839. № 11189; Т. 15. Отд. 1—2. СПб., 1841. № 14105; Отд. 1, 3. СПб., 1841. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. СПб., 1845. № 17657; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1806 от Рождества Христова. Ч. 1. СПб., 1806. С. 244; Ч. 2. СПб., 1806. С. 83—90; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1826 от Рождества Христова. Ч. 1. СПб., 1826. С. 404, 717—718; Ч. 2. СПб., 1826. С. 78—85; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 1. СПб., 1844. С. 172—173; Ч. 2. СПб., 1844. С. 38—41.

Во всех трёх случаях сведения нельзя признать полными и точными. Содержание информации в представленных источниках напрямую зависело от целей, для которых они создавались. Общероссийские адрес-календари являлись официальным справочным изданием, издававшимся с 1765 г. канцелярией Академии наук. По структуре оно делилось на две части: первая содержала сведения о личном составе центральных правительственных учреждений, вторая — местных органов власти. Этот источник сообщает наименьшие показатели численности служащих, поскольку включает только сведения о лицах, занимавших ключевые должности в губернских и уездных учреждениях. В первую очередь, речь идёт о назначаемых правительством и избираемых дворянством членах присутствий местных органов власти. Что же касается городских и крестьянских выборных представителей, то они в этот справочник не попадали. Из служащих канцелярий собирались только сведения о секретарях.

Кроме того, охватывались не все присутственные места и должности: уездные стряпчие стали упоминаться только с 1808 г., приказ общественного призрения — с 1822 г., частные приставы городской полиции — с 1826 г., винные и соляные приставы — с 1848 г. Палата государственных имуществ была открыта в Вологде в 1839 г., но в справочнике она появляется только с 1844 г., а окружные начальники — с 1847 г. Некоторые учреждения включались в издание периодически (например, губернская строительная комиссия — с 1835 по 1840 г., комиссия народного продовольствия — с 1837 по 1848 г.). Даже такая краткая характеристика позволяет понять, почему многие современные исследователи скептически относятся к возможности использования справочника для определения общей численности аппарата управления¹².

Штатные расписания, являясь организационно-распорядительными документами, отражали структуру местных учреждений и расходы государства на их содержание. Этот источник сообщает не реальный, а предполагаемый правительством состав провинциального аппарата, следовательно, на его основе можно лишь гипотетически определить численность служащих, но далеко не всех. Подсчитанные по штатным расписаниям данные, представленные в таблице 2, отражают стремительный рост бюрократии на протяжении изучаемого периода (общее количество служащих увеличилось в три раза!). Особое внимание следует обратить на то, что численность присутствующих лиц выросла только в 1,5 раза, в то время как канцелярии — в 14.

При интерпретации этих показателей следует учитывать особенности и порядок составления штатных расписаний. В конце XVIII — начале XIX в. они представляли собой единый документ, закреплявший систему местных учреждений. Штатное расписание для Вологодской губ. было утверждено указом от 27 ноября 1803 г.¹³ Оно содержит только перечень должностей в составе присутствий, включая городское и крестьянское представительство. В отношении канцелярий выделялись должности секретарей. Точная численность остальных служащих не определялась, но указывался размер суммы, выделяемой на «канцелярские расходы и служителей» (исходя из неё управляющим учреждений позволялось регулировать количество работников и устанавливать для них

---

¹² Иванов В.А., Добычина М.А. Источники для изучения численности... С. 24; Румянцева М.Ф. Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII века // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1994. С. 74.

¹³ ПСЗ-1. Т. 27. № 21051; Т. 44. Ч. 2 [К № 24985].

оплату труда в зависимости «от способностей и прилежания»). Именно по этой причине в 1806 г. удельный вес канцелярских служащих, отражённый в таблице 2, составляет всего 12,3%. На практике же это число было гораздо большим.

Таблица 2

**Численность служащих Вологодской губернии
по данным штатных расписаний**

Категория служащих		1806 г.		1826 г.		1844 г.		
		человек	%	человек	%	человек	%	
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства	148	56,7	191	47,6	225	29,5	
	по выборам	дворянства	33	12,6	32	8,0	42	5,5
		купечества	6	2,3	6	1,5	6	0,8
		крестьянства	42	16,1	42	10,5	42	5,5
Служащие в составе канцелярий учреждений		32	12,3	130	32,4	448	58,7	
Всего		261	100	401	100	763	100	

Составлено по: ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 36. № 27668; Т. 38. № 29694; Т. 39. № 30116; Т. 40. № 30291; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 24985, 27228, 29694, 30516]; ПСЗ-II. Т. 4. № 2841; Т. 11. Отд. 1—2. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305; Т. 13. Отд. 1—2. № 11189; Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

На протяжении всей первой четверти XIX в. в губернии при регулировании устройства местных учреждений сохранялось действие штатов 1803 г. Изменения были единичны и касались только городской полиции, казённой палаты и уездных казначейств: для них принимались новые, более подробные штатные расписания, включавшие канцелярские должности¹⁴. Во второй четверти XIX в. структурной организации местных учреждений стало уделяться больше внимания. С 1826 по 1830 г. обновлены штатные расписания казённой палаты и городских учреждений¹⁵, в 1836—1837 гг. — канцелярии губернатора, губернского правления, земских судов¹⁶. В 1838 г. утверждён штат палаты государственных имуществ и окружных управлений и изменён состав казённой палаты¹⁷, а в 1839 г. появился штат канцелярии губернского прокурора¹⁸. В 1840 г. по многим ведомствам опубликованы штатные расписания, «переложенные на серебро» (в том числе для министерств внутренних дел, финансов

¹⁴ Там же. Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 35. № 27448; Т. 38. № 29694; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 27228, 29694, 30516].

¹⁵ ПСЗ-II. Т. 1. СПб., 1830. № 415; Т. 2. СПб., 1830. № 1295; Т. 3. СПб., 1830. № 2035; Т. 4. № 2841; Т. 5. Отд. 2. СПб., 1831. № 4139.

¹⁶ Там же. Т. 11. Отд. 1—2. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305.

¹⁷ Там же. Т. 13. Отд. 1—2. № 11189; Отд. 2. № 11533.

¹⁸ Там же. Т. 14. Отд. 1—2. № 12169.

и государственных имуществ)¹⁹. Исключение составили учреждения Министерства юстиции, пересчёт окладов которых произошёл только в 1844 г.²⁰ В 1845 г. пересмотрен состав канцелярии губернатора, губернского правления и палаты государственных имуществ²¹. В последующее десятилетие штаты местных учреждений Вологодской губ. значительным изменениям не подвергались.

В целом после 1803 г. штатные расписания для учреждений разных ведомств издавались обособленно друг от друга. С одной стороны, они стали включать более подробный список должностей, в том числе канцелярских (столоначальники, бухгалтеры, журналисты, протоколисты, архивариусы и т.д.), с другой — по-прежнему оставались неполными, и за управляющими учреждений сохранялось право регулировать численность и состав канцелярий. Стоит добавить, что в штатах судов на протяжении всего изучаемого периода указывались только должности «присутствующих» лиц, секретари и общие суммы на «канцелярские расходы и служителей».

Из данных таблицы 2 видно, что за первую четверть XIX в. общее число канцелярских штатных единиц выросло в 4 раза, а за вторую — почти в 3,5 раза. Однако, учитывая, что канцелярские должности постепенно включались в штаты и многие из них существовали до их официального упоминания в списках, признать истинной такую динамику нельзя. Увеличение канцелярий, конечно, наблюдалось, но далеко не в такой степени (об этом более подробно см. далее)²².

Групповые формулярные списки, сохранившиеся в ф. 1349 РГИА, относятся к материалам систематического учёта чиновничества. С конца XVIII в. всем присутственным местам империи полагалось ежегодно присылать в Герольдию Сената «списки, в коих бы все находящиеся при должностях, имеющие дей-

---

¹⁹ Там же. Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108.

²⁰ Там же. Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

²¹ Там же. Т. 20. Отд. 1—2. СПб., 1846. № 18580, 18608.

²² По ряду учреждений (в первую очередь, уездных) рост численности служащих происходил в большей степени на бумаге, нежели на практике. Если обратить внимание на уездные казначейства, то, согласно штатному расписанию 1803 г., в каждом из них полагались только должности одного уездного казначея и четырёх присяжных (см.: ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 44. Ч. 2 [К № 24985]). В 1823 г. к штату прибавились бухгалтер, журналист и два писца (см.: Там же. Т. 38. № 29694; Т. 44. Ч. 2 [К № 30516]), и в последующие годы он не изменялся. Исходя из того, что в Вологодской губ. функционировали 10 уездных казначейств, общая численность их служащих в первой четверти XIX в. должна была составлять 50 человек, во второй — 90, следовательно, вырасти за изучаемый период не менее, чем на 40%. Однако архивные делопроизводственные документы сообщают нам иные показатели. Так, в 1797 г. в Кадниковском уездном казначействе служили 12 человек: казначей, 4 канцелярских работника (бухгалтер, 3 писца), 1 внештатный писец, 6 низших служителей (4 присяжных, счётчик, сторож); в 1827 г. — 12: казначей, 6 канцелярских работников (бухгалтер, журналист, 4 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож); в 1838 г. — 10: казначей, 4 канцелярских работника (бухгалтер, журналист, 2 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож), в 1846 г. — 13: казначей, 7 канцелярских работников (бухгалтер, помощник бухгалтера, журналист, 4 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож) (см.: Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 14, оп. 2, д. 1, л. 2 об.—7; д. 11, л. 977 об.—978, 1008 об.—1012; ф. 388, оп. 8, д. 121, л. 2 об.—11; д. 483, л. 27 об.—40). Сведения по другим уездным казначействам аналогичны (см.: Там же, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 965 об.—1008, 1012 об.—1044; ф. 388, оп. 8, д. 467, л. 2 об.—9; д. 468, л. 2 об.—8; д. 469, л. 2 об.—11; д. 470, л. 1 об.—16; д. 472, л. 1 об.—16; д. 476, л. 2 об.—11; д. 483, л. 2 об.—152; д. 953, л. 2 об.—8; д. 955, л. 2 об.—8). Следовательно, на протяжении изучаемого периода в Вологодской губ. общая численность служащих этих учреждений значительно не увеличилась и в среднем составляла 110—120 человек.

ствительные чины, показаны были по старшинству»²³. От местных учреждений требовалось предоставлять формулярные списки служащих, независимо от того, занимали ли они классные, канцелярские или выборные должности. Соответственно, сведения о лицах, не имевших классных чинов (городские и сельские выборные, канцелярские служители), присылать не предписывалось. С 1846 г. функция учёта перешла к Инспекторскому департаменту гражданского ведомства при I отделении Собственной е.и.в. канцелярии²⁴.

Сохранившаяся в ф. 1349 коллекция уникальна, поскольку включает формулярные списки, охватывающие чиновников местных учреждений и по отдельным ведомствам, и по всей губернии. Особую ценность имеют документы первой половины XIX в., поскольку в региональных архивах формулярные списки за этот период (особенно составлявшиеся до начала 1840-х гг.) сохранились фрагментарно, а групповые формулярные списки являются большой редкостью. В частности, в Государственном архиве Вологодской области удалось обнаружить только одно подобное дело, включающее неполный состав служащих — в него вошли только учреждения, подведомственные министерствам финансов и юстиции за 1846 г.²⁵

Выявленные в ходе исследования групповые формулярные списки по Вологодской губ. позволяют более точно представить содержание этого источника. Во-первых, как уже стало понятно, в них попадали в основном чиновники. Лица, не имевшие чинов, составляли, как правило, не более 2—3% от общего числа, и включались главным образом в случаях, если пребывали на классных и секретарских должностях либо служили медиками и землемерами²⁶. Исключения составляют списки 1844 г., в которые попали 70 служащих, не имевших классных чинов (11% от общего числа): архитектор, восемь лекарей, канцелярские служители канцелярии губернатора, казённой и судебных палат, губернской строительной комиссии²⁷.

Во-вторых, в групповые формулярные списки включались только лица, состоявшие на действительной службе. Лишь в одном случае выявлен комплект документов по 17 неслужащим чиновникам, «изъявившим желание продолжать служение в Вологодской губернии»²⁸. Этот «кадровый резерв» добавлен к списку, датированному 1806 г. В него вошли лица, попавшие под сокращение в ходе преобразований в местном управлении конца XVIII — начала XIX в. и не

²³ ПСЗ-I. Т. 22. № 16641.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 21. Отд. 2. СПб., 1847. № 20401.

²⁵ ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1а об.—1044.

²⁶ В списке 1799 г. из 229 служащих 5 лиц не имели чина (все служили землемерами), в списке 1810 г. из 327 служащих 1 (состоял на должности секретаря), 1818 г. из 325 — 2 (оба служили секретарями), 1838 г. из 452 — 9 (1 на должности секретаря, 8 уездных лекарей), 1850 г. из 783 — 17 (1 выборный дворянский представитель, 1 секретарь, 7 уездных землемеров, 1 медик приказа общественного призрения, 5 служащих губернской чертёжной, 2 канцелярских служителя губернской строительной комиссии) (см.: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1799, д. 41, л. 85 об.—87; 1810, д. 47, л. 138 об.—139; 1818, д. 241, л. 93 об.—94, 111 об.—112; 1838, д. 441, ч. 1, л. 341 об.—343, 627 об.—634; оп. 5, д. 224, л. 4 об.—6; д. 7735, л. 563 об.—564, 565 об.—569, 570 об.—580; д. 7771, л. 180 об.—182, 243 об.—244, 689 об.—691). В списки за 1801, 1803, 1806, 1826 гг. были включены только чиновники (см.: Там же, 1801, д. 47; 1803, д. 63; 1806, д. 37; 1826, д. 129).

²⁷ Там же, 1844, ч. 1, л. 63 об.—66, 83 об.—89, 103 об.—107, 113 об.—122, 142 об.—144, 196 об.—198; ч. 2, л. 31 об.—35, 75 об.—80; ч. 3, л. 189 об.—190, 201 об.—205, 216 об.—217, 219 об.—222, 227 об.—231, 232 об.—233.

²⁸ Там же, 1806, д. 37, л. 9—20.

сумевшие поступить на должности, соответствовавшие их чину и служебному опыту. При определении численности служащих их исключили из подсчётов.

В-третьих, в групповые формулярные списки вносили чиновников и правительственных, и сословных учреждений. Однако перечень присутственных мест далеко не всегда был полным. Информацию об основных правительственных учреждениях и должностях (канцелярия губернатора, губернское правление, губернские палаты, совестный суд, уездные суды, земские суды, уездные казначейства, градские полиции, губернский прокурор, уездные страпаче), как правило, старались помещать в списки, хотя и здесь встречались пропуски. Остальные же учреждения и должности (губернские комиссии и экспедиции, приказ общественного призрения, врачебная управа, уездные землемеры, винные и соляные приставы, уездные лекари) вносились нерегулярно.

Что касается сословных учреждений, то в первой трети XIX в. в общие списки попадали только предводители дворянства и протоколисты дворянских опек. С 1830-х гг. стали включаться все сословные учреждения, формируемые через дворянские выборы, а также служащие канцелярий городских сословных учреждений, приобретшие статус государственных служащих. Во второй четверти XIX в., когда верховная власть обратила особое внимание на регулирование вопросов, связанных с прохождением службы, и организацию делопроизводственной работы на местах, документы стали более полными. Однако на информативности групповых формулярных списков отражались не только изменения, происходившие на гражданской службе, но и имевшие место недостатки системы учёта²⁹.

Таблица 3

Численность служащих Вологодской губернии по данным групповых формулярных списков

Год	Служащие в составе присутствий учреждений				Служащие в составе канцелярий учреждений				Всего	
	по определению от правительства		по выборам		канцелярские чиновники		канцелярские служители			
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
1806	103	31,7	33	10,1	189	58,2	0	0	325	100
1826	103	24,6	28	6,7	288	68,7	0	0	419	100
1844	197	32,0	41	6,6	317	51,5	61	9,9	616	100

Составлено по: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1826, д. 129, л. 1 об.—492; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246.

²⁹ Несмотря на то что местные учреждения с конца XVIII в. регулярно занимались подготовкой и отправкой в Герольдию списков чиновников, наладить сбор всех требуемых сведений не удалось даже к концу 1830-х гг. Так, в 1839 г. герольдмейстер в своём рапорте Сенату указал, что одни губернские правления «вовсе не доставляют к предписанному времени списков, а другие хотя и доставляют, но не в том порядке, каковой для оных предначертан». В указе Сената от 31 августа 1839 г. предписывалось «подтвердить вновь всем присутственным местам и начальствующим лицам

Путём обработки групповых формулярных списков за 1806, 1826 и 1844 гг. получила данные, представленные в таблице 3. Ввиду того что в ней в основном учтены чиновники, при характеристике этих показателей следует, в первую очередь, попытаться понять, насколько динамика их численности коррелирует с общей численностью провинциальных служащих. Иными словами, можно ли, ссылаясь на данные о количестве чиновничества, оценивать темпы и масштабы роста местного аппарата управления.

Поскольку речь идёт о лицах, имевших чины, ответ на этот вопрос связан с порядком чинопроизводства, который на протяжении изучаемого периода претерпевал изменения. Напомню, что при проведении губернской реформы 1775 г. предполагалось, что присутствия местных учреждений и секретарские должности будут замещаться чиновниками, а канцелярии — в основном наполняться служащими, не имеющими чинов. Однако уже к началу XIX в. оформилась традиция получения чинов по представлению начальства «о беспорочной службе» при условии простой выслуги лет³⁰, что позволило претендовать на реализацию этого права вне зависимости от исправляемой должности. Классный чин постепенно приобретал роль меры поощрения служебной деятельности, всё больше утрачивая связь с соответствующей должностью. Как справедливо отметил Л.Е. Шепелёв, «производство в чины не лимитировалось количеством вакансий... получение их становилось почти автоматическим»³¹. В бумагах, приложенных к известной всеподданнейшей записке министра внутренних дел О.П. Козодавлева «Об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам...» (1816), утверждалось, что этот порядок «обесценивал» чины, «ибо нет почти теперь нигде писаря, который бы не имел офицерского ранга или за выслугу лет, или за отличие»³².

Конечно, в провинции далеко не все писари имели чины, однако общее число неканцелярских должностей, замещение которых предполагало обязательное наличие чина, росло гораздо медленнее, чем количество канцелярских чиновников. Пожалуй, для местных учреждений это создавало своего рода кадровый резерв, когда при открытии штатной вакансии из числа последних можно было выбрать наиболее достойных лиц, обладавших соответствующим чином. На 1826 г. пришёлся пик «перепроизводства» канцелярских чиновников: их удельный вес достиг 68,7%. При Николае I система чинопроизводства хотя и подверглась изменениям, но общая тенденция её развития сохранилась. В результате принятия указов от 14 октября 1827 г. и от 25 июня 1834 г. порядок и сроки повышения в чинах для гражданских служащих стали напрямую зависеть от их сословного происхождения и уровня образования³³. С этого вре-

---

о доставлении в своё время предписанных списков о всех вообще чиновниках как от короны, так и по выборам дворянства служащих» (см.: ПСЗ-II. Т. 14. Отд. 1. № 12658).

³⁰ Указ от 16 декабря 1790 г. гласил: «К одобрению людей достойных и способных, и дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению, по представлениям их начальства давать чины тем из удостоенных, кто не менее трёх лет в одном чине действительно служит, разумея до 8 класса; по точным доказательствам прилежности, особливого искусства и успеха в делах, и то порядком из чина в чин и именно: из нижних чинов канцелярских в регистраторы и тому подобные, из сих в губернские секретари или во второй на десять класс, потом в коллежские секретари или в титулярные советники» (см.: ПСЗ-I. Т. 23. № 16930). Указом от 1 августа 1801 г. этот порядок чинопроизводства был подтверждён (см.: Там же. Т. 26. № 19961).

³¹ Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 118—119.

³² РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1572, л. 17 об.

³³ Лицам, прошедшим курс обучения в высших учебных заведениях, вне зависимости от словной принадлежности при поступлении на службу присваивался чин, обозначенный в аттестате.

мени получение чинов, в том числе и первого, приобрело регулярный характер, а в канцелярских званиях в основном состояли «новобранцы», возраст которых не превышал 25 лет³⁴. Отметим также, что во второй четверти XIX в. в правовом регулировании гражданской службы учитывалось, что канцелярии местных учреждений в значительной степени наполнены чиновниками. По указу от 20 ноября 1835 г. все должности были расписаны «по классам от XIV до V включительно»³⁵. Отныне «при составлении новых штатов» требовалось обозначать «класс, в котором каждая должность полагается». Это правило распространялось и на канцелярские должности (за исключением самых низших — писцов).

Согласно данным таблицы 3, с 1806 по 1844 г. общее количество вологодских чиновников увеличилось почти в два раза, а удельный вес тех из них, кто служил в составе канцелярий, во все исследуемые годы превышал половину. При этом можно с уверенностью говорить о том, что численность чиновничества росла непропорционально аппарату управления. Следует также учитывать, что, хотя на протяжении изучаемого периода порядок чинопроизводства всё более упрощался (а к 1840-м гг. фактически превратился в «автоматическую» процедуру), далеко не все служащие были наделены чинами. На этом далее я остановлюсь подробнее.

Итак, представленный анализ позволил выявить особенности источников, содержащих показатели численности провинциальных служащих первой половины XIX в. Общероссийские адрес-календари малоинформативны. Они включают лишь списки лиц, занимавших ключевые должности в местном аппарате управления. Штатные расписания отражают предполагаемый правительством состав учреждений. Эти документы в начале века фиксировали только должности присутствующих лиц и секретарей. По мере усложнения структуры местных учреждений в штатные расписания постепенно включали и канцелярские должности, однако и к середине века их список был неполным, а на протяжении всего изучаемого периода за управляющими учреждениями сохранялось право регулировать численность канцелярии. Групповые формулярные списки позволяют подсчитать только количество чиновников. Лица, не имевшие чинов, попадали в них в порядке исключения и составляли не более 2—3% от общего числа. Таким образом, каждый из этих источников, взятый в отдельности, не может дать точных сведений о фактической численности личного состава провинциальных учреждений. Однако эту задачу можно решить путём сопоставления данных.

На мой взгляд, за основу необходимо взять показатели, полученные в результате обработки групповых формулярных списков, которые включают подавляющее большинство чиновников. В этом источнике, конечно, имеются пробелы. Во-первых, выявлены учреждения и отдельные должности, которые за разные годы оказались неучтёнными. Так, в групповом формулярном списке за 1806 г. отсутствуют служащие врачебной управы и уездные лекари, гу-

---

Дворянам со средним образованием для получения первого чина требовалось прослужить 1 год, а обучавшимся в низших учебных заведениях или вовсе не имевшим аттестатов учебных заведений — 2 года. Для детей личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и диаконов, получивших среднее образование, устанавливался срок 2 года, низшее образование и не имевших аттестатов — 4. Для детей приказных служителей, учёных и художников, не имевших чинов, — 4 и 6 соответственно. Предусматривалась также возможность особого порядка повышения в чинах с сокращёнными сроками выслуги «за отличие» (см.: ПСЗ-II. Т. 2. № 1469; Т. 9. Отд. 1. № 7224).

³⁴ См.: ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1а об.—1044.

³⁵ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1836. № 8594.

бернский и уездные землемеры, винные и соляные приставы; за 1826 г. — уездные правления питейного сбора, а также врачебная управа и уездные лекари, губернский и уездные землемеры, соляные приставы; за 1844 г. — губернский прокурор и его канцелярия, губернские стряпчие, губернский и уездные землемеры, а также служащие уездных казначейств (кроме, собственно, уездных казначеев). Во-вторых, учреждения, вошедшие в групповые формулярные списки, не всегда имели полный комплект служащих. Пропуск должностей объясняется главным образом тем, что их либо занимали лица, не имевшие чинов (в том числе, выборные лица: купеческие заседатели губернских судебных палат и совестного суда, сельские заседатели совестного суда, уездных и земских судов), либо их вакантностью. В-третьих, в групповых формулярных списках практически отсутствует информация о канцелярских служителях, составлявших значительную часть аппарата управления. Выявленные пробелы я попытаюсь заполнить данными из других источников.

Обращаясь к сведениям, полученным в ходе изучения штатных расписаний, можно установить недостающее число служащих, относимых к разряду присутствующих лиц, которое на 1806 г. составляло 95 штатных должностей (47 — по назначению от правительства, 6 — по городским выборам и 42 — сельским), на 1826 г. — 145 (94 — по назначению от правительства, 3 — по дворянским выборам, 6 — городским и 42 — сельским), на 1844 г. — 87 (37, 2, 6 и 42 соответственно).

Определение точного количества служащих канцелярий является одной из самых сложных исследовательских задач по причине фрагментарности источниковой базы. Штатные расписания не содержат полных сведений о канцеляриях. Сопоставление данных с групповыми формулярными списками позволило выявить, что в 1806 г. пропущены 3, 1826 г. — 33, в 1844 г. — 169 канцелярских должностей. Конечно, эти сведения недостаточны и требуют существенного дополнения. Компенсировать пробелы основного источника я попыталась по формулярным спискам, сохранившимся в ГА ВО³⁶. Однако и здесь пришлось столкнуться со значительными трудностями, поскольку, как уже было сказано ранее, эти документы фрагментарны и в большинстве своём не синхронизируются с исследуемыми годами.

Списки, датированные ранее 1840 г., сохранились крайне плохо. Из всех учреждений губернского уровня наиболее полный комплект документов обнаружен в фонде совестного суда³⁷. В 1800—1820-х гг. его канцелярия включала 10—11 служащих (половина из них числилась вне штата), из которых 4—5 человек являлись канцелярскими служителями (т.е. их доля в составе канцелярии достигала 40—50%). В 1830-х гг. денежной суммы, выделяемой совестному суду на канцелярию, хватало на оплату труда лишь 2—3 человек, среди которых состояло не более одного канцелярского служителя. По другим губернским учреждениям сохранились только более поздние формулярные списки. Из до-

---

³⁶ Выявить другие архивные источники, которые бы содержали интересующие нас показатели, не удалось. В литературе представлены сведения по Вологодскому наместничеству на 1786 г.: количество служащих канцелярий (и чиновников, и канцелярских служителей) насчитывало 535 человек. После реформирования системы управления в конце XVIII — начале XIX в. их численность сократилась минимум на треть и не должна была превышать 350 человек. Подробнее см.: *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России... С. 704—717.

³⁷ ГА ВО, ф. 175, оп. 2, д. 3, л. 3 об.—376.

кументов палаты гражданского суда выявлены сведения за 1820—1830-е гг.³⁸ С 1828 по 1836 г. её канцелярия действовала в составе 21—23 человек, и численность канцелярских служащих на протяжении этого периода постепенно увеличивалась: в 1828 г. — 4 человека, 1829 г. — 6, 1831 г. — 7, 1834 г. — 13, 1835 г. — 14, в 1836 г. — 16 человек. С 1837 по 1840 г. общее количество работников канцелярии выросло и колебалось от 23 до 28 человек, а число канцелярских служащих несколько уменьшилось и стало более стабильным: в 1837 г. — 14, 1838 г. — 12, 1839 г. — 12, в 1840 г. — 13 человек. В целом доля канцелярских служащих в гражданской палате колебалась от 20% в 1828 г. до 40 в 1840 г. В архивном фонде приказа общественного призрения удалось выявить формулярные списки служащих канцелярии за 1830-е гг.³⁹ На протяжении этого периода их численность выросла с 8 до 13 человек, причём доля канцелярских служащих в общем составе варьировалась от 40 до 50% (в 1833 г. — 4, 1838 г. — 7, в 1840 г. — 5 человек). Также обнаружены сведения о служащих канцелярии губернского прокурора за 1839 г.⁴⁰, которая состояла из двух чиновников и одного канцелярского служащего.

Подведу некоторый итог представленным разрозненным цифрам. Сохранившиеся документы не дают возможности произвести точные подсчёты по всем губернским учреждениям. Однако по тем из них, которые удалось обследовать, можно увидеть, что доля канцелярских служащих в среднем составляла 30—40%.

По уездным учреждениям сохранились формулярные списки уездных судов⁴¹, которые показывают, что в конце 1810-х — середине 1830-х гг. они располагали канцеляриями в 8—10 человек, а численность канцелярских служащих не превышала 4 человек. Также удалось обнаружить сведения о канцеляриях уездных казначейств⁴², которые с середины 1820-х гг. насчитывали 4—5 человек (исключением являлось только вологодское — 7—10 человек). Численность канцелярских служащих составляла 40—50% от общего состава. Среди архивных документов не удалось выявить данных по земским судам, но можно с уверенностью сказать, что их канцелярии были не больше, чем в уездных судах. По всей видимости, и число канцелярских служащих оставалось примерно таким же. По городским учреждениям сохранились формулярные списки канцелярии Грязовецкого городнического правления за 1806 и 1819—1821 гг.⁴³, которая в указанные годы включала 3—4 человека, в среднем двое из них являлись служащими. По Вологодской и Устюжской полициям данных не выявлено, но известно, что их канцелярии были минимум в два раза крупнее.

Итак, согласно формулярным спискам, выявленным в ГА ВО, в первой трети XIX в. доля канцелярских служащих в канцеляриях местных учреждений в среднем составляла 40%. При этом в губернских учреждениях, а также в городских и уездных присутственных местах уездов, примыкавших к гу-

³⁸ Там же, ф. 178, оп. 3, д. 2, л. 1 об.—10; д. 3, л. 1 об.—11; д. 4, л. 1 об.—13; д. 7, л. 1 об.—17; д. 11, л. 1 об.—14; д. 13, л. 5 об.—6; д. 14, л. 1 об.—11; д. 18, л. 4 об.—5; д. 20, л. 3 об.—4; д. 23, л. 1 об.—15; д. 27, л. 1 об.—12; д. 30, л. 1 об.—21; д. 36, л. 1 об.—17; д. 39, л. 1 об.—15.

³⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 1 об.—159.

⁴⁰ Там же, ф. 806, оп. 1, д. 27, л. 8 об.—15.

⁴¹ Там же, ф. 239, оп. 1, д. 332, л. 5 об.—133; д. 560, л. 1 об.—67.

⁴² Там же, ф. 388, оп. 8, д. 121, л. 2 об.—11; д. 467, л. 2 об.—9; д. 468, л. 2 об.—8; д. 469, л. 2 об.—11; д. 470, л. 1 об.—16; д. 472, л. 1 об.—16; д. 476, л. 2 об.—11; д. 483, л. 2 об.—152; д. 953, л. 2 об.—8; д. 955, л. 2 об.—8.

⁴³ Там же, ф. 469, оп. 2, д. 210, л. 3 об.—21.

бернскому центру (Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский), она была несколько ниже. В отдалённых от Вологды уездах этот показатель мог достигать 50—60%. Ориентируясь на полученный нами средний показатель (40%) и имея в распоряжении данные о канцелярских чиновниках из групповых формулярных списков РГИА (в 1806 г. — 189, в 1826 г. — 288 человек), можно подсчитать условное количество канцелярских служащих: 1806 г. — 126, 1826 г. — 192 человека (см. табл. 4). Отмечу, что предложенный алгоритм вычисления не позволяет получить точные цифры, но в условиях плохой сохранности источников его применение целесообразно.

Среди материалов ГА ВО 1840-х гг. удалось выявить групповые формулярные списки всех служащих в учреждениях, подведомственных министерствам юстиции и финансов. Благодаря этому установлено, что в 1844 г. в них в общей сложности насчитывалось 179 канцелярских служащих (в судебных учреждениях — 109, в финансовых — 70)⁴⁴. Документы также дают возможность определить, какова была их доля в общем составе канцелярий и сравнить с предыдущими подсчётами. Так, в казённой палате состояло на службе 63% канцелярских чиновников и 37% канцелярских служащих, в губернских судебных учреждениях (судебные палаты, совестный суд, канцелярия губернского прокурора, губернская посредническая комиссия) — соответственно 47 и 53, в уездных казначействах — 42 и 58, в уездных судах — 47 и 53, в городских сословных судах — 50 и 50 %. В целом по канцеляриям финансовых учреждений доли чиновников и служащих составляли 53 и 47%, судебных — 48 и 52, а в общей сумме по обоим ведомствам — 50 и 50 %. Пожалуй, последний показатель можно рассматривать как среднестатистический.

По учреждениям министерств внутренних дел и государственных имуществ не сохранилось полных списков служащих за середину 1840-х гг.⁴⁵ Однако по групповому формулярному списку РГИА 1844 г. можно установить количество их канцелярских чиновников. Так, в учреждениях МВД их насчитывалось 129⁴⁶, а в палате госимуществ и окружных управлениях — 39⁴⁷. Если мы применим по отношению к этим данным подсчитанный выше среднестатистический показатель и предположим, что доля этих лиц составляла половину, то количество канцелярских служащих не должно было превышать 129 и 39 соответственно. Полученные результаты можно перепроверить, сопоставив, с одной стороны, штатные расписания, которые по интересующим нас учреждениям к середине 1840-х гг. уже включали полные списки канцелярских должностей (учитывая, что в случаях, когда штатное расписание содержало исчерпывающий перечень должностей, местные учреждения, как правило, значительно не превышали предложенный законом состав), а с другой — перечень должностей, которые были заполнены канцелярскими чиновниками, согласно групповому формулярному списку РГИА 1844 г.

В результате удалось определить, что в формулярном списке пропущены 84 канцелярские должности по учреждениям МВД: по губернскому правле-

⁴⁴ Там же, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1а об.—1044.

⁴⁵ В ГА ВО удалось обнаружить лишь полные сведения по небольшим по числу служащих учреждениям — канцелярии губернатора и приказу общественного призрения (см.: Там же, ф. 18, оп. 1, д. 1348, л. 18 об.—19, 63 об.—67, 83 об.—84, 104 об.—105; ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 334 об.—355). По остальным учреждениям сведения либо отрывочны (разновременные формулярные списки на отдельных чиновников), либо отсутствуют.

⁴⁶ РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1844, д. 473, ч. 3, л. 1 об.—559.

⁴⁷ Там же, 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246.

нию — 23, комиссии народного продовольствия — 1, земским судам — 40, городским полициям — 18, градским думам — 2. Кроме того, по канцелярии губернатора, губернской строительной комиссии и приказу общественного призрения в формулярном списке 1844 г. представлены полные составы служащих, включавшие в общей сумме 7 канцелярских служащих. Относительно учреждений, подведомственных Министерству госимуществ, выявлены 32 пропущенные канцелярские должности (по палате госимуществ — 8, по окружным управлениям — 24). Как видно, первоначальные подсчёты оказались несколько завышенными: 129 и 39 против 91 и 32. Однако, поскольку и те и другие числа получены путём логических экстраполяций, в настоящем исследовании я буду придерживаться наибольших величин.

В результате сопоставления данных, полученных из разных источников, удалось, на мой взгляд, определить количественные показатели местного аппарата управления, наиболее близкие к реальным в изучаемый период. Таблица 4 отражает итоговые подсчёты: в 1806 г. общая численность вологодских служащих составляла 546 человек, в 1826 г. — 756, в 1844 г. — 1 019 человек. Следовательно, удалось зафиксировать рост аппарата управления на 47%. При этом количество лиц, относимых к разряду «присутствующих», увеличилось на 29%, тогда как общее число служащих канцелярий — на 55%.

Таблица 4

Численность служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Категория служащих		1806 г.		1826 г.		1844 г.		
		человек	%	человек	%	человек	%	
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства*	150	27,5	197	26,1	234	22,9	
	по выборам	дворянства*	33	6,0	31	4,1	43	4,2
		купечества**	6	1,1	6	0,8	6	0,6
		крестьянства**	42	7,7	42	5,5	42	4,1
Служащие в составе канцелярий учреждений	канцелярские чиновники***	189	34,6	288	38,1	347	34,1	
	канцелярские служащие****	126	23,1	192	25,4	347	34,1	
Всего		546	100	756	100	1019	100	

Составлено по: ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1 а об.—1044; РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1826, д. 129, л. 1 об.—492; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246; ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 36. № 27668; Т. 38. № 29694; Т. 39. № 30116; Т. 40. № 30291; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 24985, 27228, 29694, 30516]; ПСЗ-II. Т. 4. № 2841; Т. 11. Отд. 1—2. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305; Т. 13. Отд. 1—2. № 11189; Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

* Численность определена при сопоставлении групповых формулярных списков из фондов РГИА и штатных расписаний.

** Численность определена по штатным расписаниям.

*** Численность определена по групповым формулярным спискам из фондов РГИА и ГА ВО.

**** Численность определена при сопоставлении данных штатных расписаний и формулярных списков из фондов РГИА и ГА ВО.

Такая динамика связана не столько с появлением в системе местного управления новых учреждений, сколько с усложнением структуры уже действовавших. Верховная власть стала уделять больше внимания внутреннему устройству учреждений, выделяя в их составе отделения, столы и т.п. По всей видимости, с расширением канцелярий связывались надежды на повышение оперативности управления на местах при увеличивающихся объёмах документооборота. При этом численность лиц, занимавшихся канцелярской работой, росла преимущественно в губернских учреждениях. Так, казённая палата к середине 1840-х гг. увеличила свою канцелярию больше чем в два раза по сравнению с 1806 г., на треть выросли канцелярии губернских судебных палат; во второй четверти XIX в. в отдельные учреждения выделились канцелярия губернатора, насчитывавшая не менее 20 человек, и канцелярия губернского прокурора (3—4 человека). Определённое влияние на общую динамику показателей оказало включение в разряд государственных служащих канцелярских работников городских сословных учреждений.

Для того чтобы понять, за счёт усиления каких звеньев рос местный аппарат управления, необходимо обратить внимание на распределение численности служащих по ведомствам.

Как следует из таблицы 5, рост не был равномерным. Если в первой четверти XIX в. постепенно увеличивалась численность уездных служащих (с 61,9% в 1806 г. до 63,9% в 1826 г.), то во второй — губернских (с 36,1% в 1826 г. до 39,7% в 1844 г.). Правительство стремилось усилить кадровый состав полицейских и финансовых учреждений, при этом приоритет отдавался последним. На это указывает прирост общей численности служащих по ведомствам: по Министерству финансов он составил не менее 40%, внутренних дел — 35, юстиции — 30%.

Таблица 5

Распределение численности служащих Вологодской губернии по ведомствам

Министерство	Учреждения	1806 г.		1826 г.		1844 г.	
		человек	%	человек	%	человек	%
внутренних дел	губернские	86	15,7	98	13,0	143	14,9
	уездные*	153	28,0	205	27,1	228	23,7
финансов	губернские	61	11,2	93	12,3	88	9,2
	уездные	59	10,8	121	16,0	110	11,4
юстиции	губернские	61	11,2	82	10,8	99	10,3
	уездные	126	23,1	157	20,8	170	17,7
государственных имуществ	губернские	0	0,0	0	0,0	51	5,3
	уездные	0	0,0	0	0,0	72	7,5
Всего		546	100	756	100	961	100

Составлено по: см. таблицу 4.

* По МВД в категорию «уездные чиновники» отнесены служащие градских полиций и городских канцелярий городских сословных учреждений, которые отнесены к разряду государственных служащих только в 1837 г. и, соответственно, не учитывались при подготовке статистики за 1806 и 1826 гг.

Во избежание искажения общей динамики из подсчётов по 1844 г. были исключены работники канцелярий городских сословных учреждений, которые отнесены к разряду государственных служащих только в 1837 г. и, соответственно, не учитывались при подготовке статистики за 1806 и 1826 гг.

В 1806 г. самыми крупными губернскими учреждениями, имевшими примерно равное количество служащих, являлись губернское правление и казённая палата. Но в последующие десятилетия состав губернского правления увеличился незначительно, в то время как в казённой палате он постепенно рос. Уже к середине 1820-х гг. последняя превратилась в самый крупный орган местного управления. Немаловажную роль в этом сыграли изменения в питейном и соляном управлении. С 1818 г. в структуре казённой палаты появилось отделение питейных сборов, а в уездах — уездные правления питейного сбора. Последние, правда, были упразднены с 1 сентября 1827 г., что привело к уменьшению численности уездных служащих Министерства финансов. В 1839 г. на территории Вологодской губ. открылись учреждения Министерства государственных имуществ. К ним перешёл ряд функций финансового управления, что повлекло реструктуризацию казённой палаты (создание ревизского отделения и упразднение хозяйственного и лесного). Однако всё это не сильно отразилось на общей численности служащих Министерства финансов: в 1844 г. казённая палата по-прежнему являлась самым многочисленным учреждением (её доля в общем составе местного аппарата достигала 9,2%). В целом динамика удельного веса служащих министерства выглядит неровной (1806 г. — 22%, 1826 г. — 28,3, 1844 г. — 20,6%). Но при анализе этих показателей следует учитывать, что и учреждения Министерства государственных имуществ, которые также можно отнести к органам финансового управления, содержали довольно крупный корпус служащих (12,8% в 1844 г.)

В развитии административно-полицейских учреждений наблюдалась совершенно иная ситуация. В первой четверти XIX в. на губернском уровне значительных изменений не происходило, на уездном же численность служащих земских судов выросла примерно на треть. Затем, не расширяя состав губернского правления, центральное правительство инициировало создание особых специализированных губернских учреждений (комиссий и комитетов), сфера деятельности каждого из которых была направлена на решение конкретной задачи⁴⁸. После издания «Наказа губернаторам» 1837 г. «нормальный штат» приобрела канцелярия губернатора. К 1844 г. значительно вырос аппарат приказа общественного призрения — как, собственно, и объёмы капиталов, которыми он распоряжался. Фактически он превратился в финансово-кредитное учреждение, а социальные функции в его деятельности отошли на второй план⁴⁹.

Определённую роль в увеличении численности служащих МВД сыграла реформа дворянского сословного самоуправления (1831), в результате которой в состав губернских учреждений вошло дворянское депутатское собрание. Что же касается уездного звена управления, то реформа земских судов (1837) не привела к существенному росту количества штатных служащих на местах.

---

⁴⁸ Первые подобные учреждения — комиссия народного продовольствия, тюремный комитет, оспенный комитет — появились при Александре I, но они были немногочисленны по составу, а их деятельность можно охарактеризовать как вялотекущую. С 1830-х гг. количество комитетов и комиссий в губернии значительно увеличилось (открылись строительная и дорожная комиссии, статистический комитет и т.д.). Они имели собственные канцелярии; регламентированию их деятельности уделялось особое внимание.

⁴⁹ Подробнее об этом см., например: *Смирнова Е.М.* Приказы общественного призрения и здравоохранение в России (конец XVIII — середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 4(30). С. 6—17.

В целом в изучаемый период в составе провинциального аппарата удельный вес служащих по МВД несколько сократился: с 43,7 до 38,6%.

Учреждения Министерства юстиции значительным изменениям в изучаемый период не подвергались. Судебные палаты увеличили свои канцелярии на треть, в совестном суде же, наоборот, число канцелярских работников сократилось до минимума (с 10 человек в 1806 г. до 2 в 1844 г.). Некоторое влияние на динамику численности служащих оказало появление в 1839 г. посреднической комиссии под председательством губернского предводителя дворянства. Состав уездных судов увеличивался только в первой четверти XIX в. (примерно на треть), тогда как во второй рост уездных служащих Министерства юстиции практически не наблюдался (исключение составило лишь появление в 1837 г. должности штатного писаря при уездном стряпчем).

При характеристике количественных показателей государственного аппарата нельзя обойти вниманием вопрос об их соответствии численности населения управляемой территории. В последнее десятилетие исследователи всё чаще обращаются к этой проблеме, указывая на «недоуправляемость» Российской империей⁵⁰. К такому выводу некогда пришли зарубежные учёные, сопоставив данные о численности государственного аппарата в России и Западной Европе⁵¹. В настоящее время установлено, что в России на 1 тыс. жителей в начале XIX в. приходилось 1,06 служащих, в середине века — 1,66, что было в 4—5 раз меньше, чем за рубежом⁵². В этих подсчётах учитывалась и центральная, и местная бюрократия. Если же обратиться к данным только по местному управлению и соотнести их с численностью населения, то окажется, что на уровне провинции нехватка административного персонала ощущалась сильнее.

Напомню, что в основу административно-территориального деления, сформированного в результате губернской реформы 1775 г., был положен принцип численности податного населения. Предполагалось, что каждая губерния (или наместничество) должна включать примерно 300—400 тыс., а уезд — 20—30 тыс. жителей⁵³. С учётом этого разрабатывались штаты местного аппарата управления и определялась численность служащих. Однако на практике при выделении административно-территориальных единиц установленные нормы не соблюдались. Так, Вологодское наместничество на момент учреждения разделялось на 12 уездов, охвативших 554 769 душ, «положенных в оклад»⁵⁴ (т.е. более 45 тыс. человек на 1 уезд). Общая численность служащих составляла 951 человек⁵⁵, или 1,71 на 1 тыс. жителей. После реформы системы управления в конце XVIII — начале XIX в. местный аппарат управления сократился на треть, и в последующие десятилетия темпы его роста были несопоставимы с увеличением населения: в 1806 г. в Вологодской губ. проживало 606 164 человека⁵⁶ и на каждого служащего приходилось 1 110 жителей (или 0,9 служащих

⁵⁰ Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Российская империя... Т. 2. С. 435—439, 654—655.

⁵¹ *Большакова О.В.* Социальная история бюрократии императорской России в англо-американской историографии // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX вв. Общее и особенное. Материалы XII всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2008. С. 84—85.

⁵² *Миронов Б.Н.* Российская империя... Т. 2. С. 435.

⁵³ ПСЗ-I. Т. 20. № 14392.

⁵⁴ РГАДА, ф. 1261, оп. 12, д. 41, л. 74.

⁵⁵ Там же, л. 33—45 об., 51—70 об.

⁵⁶ Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии, сообщённые в Императорскую академию наук бывшим оныя корреспондентом Яковом Фризом // Приложение

на 1 тыс. жителей). К 1844 г. население выросло до 801 017 человек⁵⁷, и показатель составил 1 к 800 (или 1,25).

Не менее интересные данные получатся, если рассмотреть соотношение численности служащих уездных учреждений и населения уездов, сопоставив 1786 и 1844 гг.: в Вологодском уезде в 1786 г. на 1 тыс. жителей на службе состояло 0,7 человек, в 1844 г. — 0,5; в Грязовецком уезде — соответственно 0,6 и 0,6; Кадниковском — 0,5 и 0,4; Вельском — 0,7 и 0,6; Тотемском — 0,9 и 0,5; Устюжском — 0,9 и 0,6; Никольском — 0,7 и 0,5; Сольвычегодском — 0,8 и 0,6; Устьсысольском — 1,1 и 0,8; Яренском — 1,1 и 1,5 человек⁵⁸. Следует подчеркнуть, что аппарат управления на уровне уезда выглядел весьма скромно и насчитывал в 1844 г. в среднем 45—50 человек (в самом «бюрократизированном» Яренском уезде служили 42 человека). Конечно, необходимо учитывать и неравномерность размещения населения на территории губернии, что также оказывало влияние на деятельность местных учреждений. Так, если в Вологодском уезде на 1 кв. версту приходилось 25 душ, то в Яренском и Устьсысольском — соответственно 0,5 и 0,3⁵⁹.

Подводя итог общим подсчётам, следует, конечно, попытаться сопоставить полученные данные с общероссийской статистикой и результатами исследований по другим губерниям. К сожалению, здесь пришлось столкнуться со значительными трудностями. Что касается общероссийских показателей по первой половине XIX в., в научной литературе представлены довольно разрозненные и в большинстве своём предположительные данные. Так, по приблизительным оценкам немецкого историка Х.Й. Торке в 1800 г. общая численность гражданских служащих составляла 38 тыс. человек⁶⁰. Л.Ф. Писарькова полагает, что в местном аппарате управления к началу XIX в. были задействованы 30—33 тыс. человек⁶¹. Также она установила, что в 1832 г. в петербургских учреждениях удельный вес канцелярских служащих составлял 25%, и сочла, что в целом «в местном управлении, которое по числу низших штатных должностей превосходило центральное», этот процент должен быть выше⁶². Дореволюционный публицист Е.П. Карнович указывал, что в 1840-х гг. «число штатных мест по гражданскому ведомству простиралось... до 35 000»⁶³. П.А. Зайончковскому удалось обнаружить точные сведения на середину века: в 1847 г. численность

технологического журнала, состоящее из Учёных известий, имеющих предметом приложение učinённых в науках открытий к практическому употреблению. 1806. Т. III. Ч. 1. С. 29.

⁵⁷ *Пушкарёв И.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I. Кн. IV. Описание Вологодской губернии. СПб., 1846. С. 28.

⁵⁸ Подсчитано по: ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 990 об.—1042; РГАДА, ф. 1261, оп. 12, д. 41, л. 33—45 об., 51—70 об., 73 об.—74; РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246; ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 44. Ч. 2 [К № 24985]; ПСЗ-II. Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

⁵⁹ Приводятся данные о размещении населения на середину XIX в. (подробнее см.: Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. II. Ч. 3. Вологодская губерния / Сост. П.К. Услар. СПб., 1850. С. 290).

⁶⁰ *Torke H.J.* Das Russische Beamtentum... S. 136.

⁶¹ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России... С. 506.

⁶² *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 123.

⁶³ *Карнович Е.П.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 654.

только чиновников составляла 61 548 человек, в 1857 г. — 86 066⁶⁴. Исследователь также привёл данные о числе канцелярских служащих в 1857 г. — 32 073 человека, или 35,55% от всех государственных служащих⁶⁵. Если учесть общее количество губерний в изучаемый период и предположить, что Вологодская губ. с десятью уездами может рассматриваться как средняя по величине местного аппарата, приведённые выше сведения (и в абсолютных, и в относительных величинах) в целом не противоречат итогам моих подсчётов.

Конечно, в отечественной историографии имеются публикации, в которых приводятся данные, не согласующиеся с вышеприведёнными цифрами⁶⁶. Особое внимание следует уделить монографии О.В. Моряковой, посвящённой местному управлению при Николае I. В этой работе автор не привела никаких общих данных по численности служащих (ни в целом по России, ни по отдельным губерниям), но пришла к выводу, что «рост бюрократического аппарата губернских и уездных присутственных мест составлял во второй четверти XIX в. в среднем 1,5—3% ежегодно», и в целом «чиновничьи штаты... увеличились на 45—90%»⁶⁷. При этом остаётся неясным, какие показатели и за какой год были взяты за точку отсчёта и до каких размеров вырос местный аппарат к середине XIX в. Если соотнести указанные проценты с результатами моего исследования, то получится, что с 1826 по 1844 г. численность служащих ежегодно увеличивалась примерно на 1,5%, и при сохранении таких темпов к 1855 г. должна была достигнуть 1200 человек. Следовательно, за период правления Николая I местный аппарат вырос всего на 37%, но никак не на 45 и уж тем более не на 90%.

Довольно непросто оказалось обнаружить в научной литературе данные о численности служащих по другим губерниям. В одних исследованиях, посвящённых местной бюрократии, вообще не ставилась такая задача⁶⁸, в других же приводятся отрывочные сведения без пояснения, каким образом производились подсчёты и какие категории служащих они охватили. Так, Л.В. Мерзлякова, основываясь на собранных в ходе сенаторской ревизии списках гражданских служащих, указала, что в 1800 г. в Вятской губ. насчитывалось 200 чиновников и 338 канцелярских служащих; показатели на середину XIX в. она почерпнула

⁶⁴ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат... С. 67—68.

⁶⁵ Там же. С. 68.

⁶⁶ Так, Н.П. Ерошкин полагал, что в 1804 г. насчитывалось примерно 13 260 чиновников, из них 7 680 — в местном аппарате (*Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие... С. 63). Эти подсчёты основаны на данных адрес-календарей Российской империи, которые, о чём уже говорилось, не позволяют получить точные показатели. Весьма любопытные сведения находим в работе Л.Е. Шепелёва: «По данным Министерства финансов, в начале 1830-х гг. на государственной службе в России находилось уже около 105 тысяч гражданских чиновников» (см.: *Шепелёв Л.Е.* Чиновный мир России... С. 119). Однако автор не указывает источник полученной информации, что не позволяет проверить правдивость этих данных и ставит под сомнение возможность их использования в научных исследованиях. Б.Н. Миронов попытался обобщить имеющиеся в литературе сведения о численности чиновников за период с 1646 по 1915 г. (см.: *Мионов Б.Н.* Российская империя... Т. 2. С. 431).

⁶⁷ *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. М., 1998. С. 195.

⁶⁸ См., например: *Вакилев Т.Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. С. 196—197; *Павлюк Ю.Б.* Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века (на материалах Московской и Тверской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 64—68; *Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России... С. 128—129, 183, 255, 258; и др.

из статистики, собранной для Памятной книжки Вятской губ., где числилось 926 чиновников⁶⁹ (этим числом охвачены все служащие лица, имевшие чины, в том числе по военному, учёному, почтовому, духовному и иным ведомствам⁷⁰). В диссертации Ю.Н. Токмаковой приводятся точные относительные показатели (в начале XIX в. в Курской губ. удельный вес чиновников составлял 41%, канцелярских служащих — 59%; в середине XIX в. — 46 и 54%⁷¹) и не имеющие соответствующих пояснений абсолютные⁷².

Обзор исследований по другим губерниям выявляет аналогичный «плюрализм» в методиках определения численности служащих, которые, к сожалению, также вызывают сомнения относительно достоверности и точности данных⁷³. Именно поэтому, несмотря на наличие большого числа таких работ, фактически отсутствуют возможности для их сравнения. Пожалуй, единственные на сегодняшний день публикации, где с опорой на источники произведены подробные подсчёты, принадлежат В.А. Иванову. Правда, автор занимается изучением местного аппарата управления только середины XIX в. (в частности, он установил, что в 1855—1861 г. общая численность служащих Калужской губ., включавшей 11 уездов, составляла 1 285 человек)⁷⁴.

Итак, проведённое исследование позволило установить, что документальные источники, традиционно применяемые для определения количественных показателей местного аппарата управления, обособленно друг от друга не могут дать точных сведений о фактической численности служащих. Предложенная в статье методика расчёта показателей позволила компенсировать пробелы источников и на материалах отдельно взятой губернии определить численность провинциальных служащих наиболее близко к реально существовавшей в изучаемый период. Это также дало возможность увидеть соотношение разных категорий служащих в местном аппарате и проследить динамику количественных показателей.

Установлено, что в Вологодской губ. на протяжении первой половины XIX в. наблюдался рост численности служащих по всем ведомствам: к 1844 г. он составил 47% по сравнению с показателями 1806 г. Количество служащих ежегодно увеличивалось на 1,5—1,6%. Если предположить, что установленные темпы роста характерны для всего изучаемого периода, то в 1801 г. насчитывалось примерно 500 служащих, а в 1855 г. — 1 200, т.е. за первую половину

⁶⁹ Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии... С. 61.

⁷⁰ Ввиду того что в диссертации Л.В. Мерзляковой не указано, чиновники каких ведомств были учтены губернским статистическим комитетом, я обратилась к источнику, где были опубликованы эти данные: Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 3—90, 168—169.

⁷¹ Токмакова Ю.Н. Провинциальное чиновничество Центральной России... С. 29—30.

⁷² Со ссылкой на дореволюционное издание, которое нам не удалось идентифицировать и выявить среди библиотечных каталогов, автор установила, что в 1804—1805 гг. по курским учреждениям министерств внутренних дел, финансов, юстиции и народного просвещения «имелось примерно 120 “табельных” чиновничьих мест и не более 200 мест, предполагавших возможность получения классного чина». Данные на 1860 г. автор взяла из Памятной книжки Курской губ., где сообщались сведения о местных чиновниках всех ведомств (помимо указанных четырёх министерств сюда попали служащие духовного и военного ведомств): «всего 581 “табельное” чиновничье место»; далее она сопоставила «несопоставимые» цифры (120 и 581) и пришла к выводу, что за первую половину XIX в. местный аппарат вырос в 4,8 раза (см.: Там же. С. 34—37).

⁷³ См., например: Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний... С. 122—125, 252, 258.

⁷⁴ Иванов В.А. Численность и состав провинциального чиновничества... С. 119.

XIX в. местный аппарат увеличился на 58%, или в 2,4 раза. Количество чиновников значительно превышало число штатных должностей, занятие которых предполагало наличие чина. В связи с этим половина чиновников занимались канцелярской работой. Несмотря на попытки правительства замедлить процесс приобретения чинов, доля чиновников оставалась довольно высокой, хотя и несколько сократилась (1806 г. — 68% от общего числа служащих, 1844 г. — 61%).

Анализ корпуса служащих с учётом категорий должностей и ведомственной подчинённости также позволил сделать важные наблюдения. Численность служащих в составе присутствий учреждений росла вдвое медленнее, чем число служащих канцелярий, причём количество канцелярских чиновников за изучаемый период увеличилось почти в два раза, а служителей — в три. Эта динамика объясняется, в первую очередь, усложнением структуры: верховная власть стала больше уделять внимания внутреннему устройству учреждений, выделяя в их составе отделения, столы. По всей видимости, с расширением канцелярий и дифференциацией функций внутри них были связаны надежды на повышение оперативности управления на местах при увеличивающихся объёмах документооборота. Распределение численности служащих по ведомствам позволило увидеть, что правительство стремилось к усилению кадрового состава административно-полицейских и финансовых учреждений, причём преимущество отдавалось последним. Это свидетельствует о приоритетных задачах государства в системе местного управления: поддержании общественного порядка и безопасности, обеспечении сохранности казённого имущества и поступления налогов в казну.

Итоги исследования не позволяют говорить о засилье бюрократии на местах. Они, напротив, отражают острую нехватку административного персонала на уровне провинции при явном несоответствии численности служащих и численности населения управляемой территории (если в начале XIX в. по России на 1 тыс. жителей приходился 1,06 служащих, то в Вологодской губ. — 0,9; в середине века — соответственно 1,66 и 1,25). Кроме того, губернские учреждения оттягивали на себя более трети кадрового состава, а на долю всех уездных учреждений, непосредственно взаимодействовавших с населением и выполнявших огромный объём работы, приходилось около 60—62% от общего числа служащих. По всей видимости, в изучаемый период в отношении местного управления государство действовало исходя из экономии бюджетных средств и минимизации казённых издержек, допуская лишь «выборочное» расширение штатов отдельных учреждений. Следует отметить, что, несмотря на реформы, предпринятые в последующие десятилетия, проблема нехватки кадров на местах осталась нерешённой. Даже в начале XX в. Россия была «страна относительно малочиновная», и если и страдала от развития бюрократии, «то не от количественного, а от качественного»⁷⁵.

---

⁷⁵ Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912. С. 62.